

М. А. Розов. Единство философского знания¹

Философия как исторически, так и в ее современном состоянии, достаточно разнородна по характеру своих результатов и проблематики. Б. Рассел писал: «Концепции жизни и мира (world), которые мы называем «философскими», являются продуктом двух факторов: один из них представляет собой унаследованные религиозные и этические концепции, другой – такого рода исследования, которые могут быть названы «научными», употребляя это слово в самом широком смысле. Отдельные философы сильно различаются между собой в зависимости от пропорции, в какой эти два фактора входили в их систему, но наличие обоих является в определенной степени тем, что характеризует философию»². Не вдаваясь в детали, с этим нельзя не согласиться.

Именно эта неоднородность приводит к так называемому «отпочкованию» от философии в ходе ее исторического развития различных научных дисциплин, что нередко порождает вопрос о перспективах ее дальнейшего существования. Уже почти на наших глазах от философии отделились такие области знания, как социология и психология. До этого они существовали на уровне натурфилософских концепций. Вот что пишут по этому поводу сами психологи: «Хорошо известно, что психология родилась в конце девятнадцатого века как дитя философии и экспериментальной физиологии»³. Философия, начиная с античности, всегда пыталась построить общую картину мира, далеко выходя при этом за рамки возможного эмпирического обоснования. Это была теория без эмпирии, т.е. в основном – чисто спекулятивное построение. Нельзя сказать, что такая работа не имела смысла: без каких-то теоретических построений невозможна и эмпирическая работа. Но эмпирические методы и фактические данные часто формировались совсем в другой области, за пределами философии. Именно это мы и видим на материале истории психологии.

Думаю, что сейчас назревает проблема отделения от философии таких ее разделов, как эпистемология и философия науки, что связано с развитием эмпирических историко-культурных и историко-научных исследований. Уже работа Т. Куна «Структура научных революций» представляет собой такой синтез философии и истории науки. Но такое отделение – это длительный процесс. Я при этом не хочу сказать, что эпистемология и философия науки исчезнут как разделы философии, ни в коем случае. Просто появятся эмпирические дисциплины, изучающие познание и науку с определенной точки зрения. Я при этом не имею в виду так называемое науковедение.

Загадочная ситуация: казалось бы, развитие конкретных эмпирических дисциплин должно полностью вытеснить философию природы или натурфилософию, но она остается как онтология, как философская картина мира. Психология отпочковалась, но остаются философские проблемы психологии наряду с философскими проблемами физики, биологии и других наук. И если возникнет эмпирическая эпистемология, то в рамках философии останутся философские проблемы теории познания.

Что же остается от философии в ходе такого «отпочкования»? Это неоднократно обсуждалось в нашей литературе со ссылками на Ф. Энгельса. Последний полагал, что с развитием науки от философии остается только учение о познании, формальная логика и диалектика. Его предсказание не сбылось: формальная логика, бурно развиваясь на протяжении всего прошлого века, фактически уже стала разделом математики. А теория познания и философия науки, как я уже сказал, на грани обособления. Это выглядит как конец. Неслучайно Виндельбанд сравнивал философию с королем Лиром, раздавшим своим дочерям все свое состояние. Но никакой шекспировской трагедии не происходит. Философия, как ни странно, продолжает благополучно жить и процветать. И это опять-таки обусловлено ее неоднородностью, на которую указывает Рассел. Суть в том, что в философии есть некоторое собственное «ядро», которое как раз и делает ее особой и относительно самостоятельной областью культуры. И это «ядро» сохраняется, невзирая на постоянный процесс «отпочкования». Более того, как мне представляется, именно это «ядро» и порождает указанную неоднородность, которая в этом смысле является чем-то вторичным.

Именно это «ядро» и будет нас в дальнейшем интересовать. Задача статьи – поговорить о философии как таковой, о собственно философии, о ее специфических особенностях, единстве и целостности.

1. Философия и проблема свободы человека

Что же такое философия, если отбросить все то, что в зародыше может претендовать на отделение и самостоятельное существование? Ответить на этот вопрос трудно, так как реальная картина, представленная в философской

¹ Розов М. А. Единство философского знания // Социемы. Екатеринбург, изд-во Уральского ун-та. 2010. № 18. С. 46–63. Опубликовано также в кн.: Розов М. А. Гносеология культуры. М.: Новый хронограф, 2015. С. 331–350.

² Рассел Б. История западной философии. Т. 1. М., 1993. С. 7.

³ Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М., 1997. С. 16.

литературе или на семинарах и конференциях, отличается невероятной пестротой. Создается даже впечатление, что под маркой философии можно обсуждать все, что угодно, от антропного принципа в космологии до гендерных проблем. Поэтому отталкиваться от реальной картины, пытаясь выделить в ней какие-то инварианты, почти безнадежно. Кроме того, любое определение философии с претензией на точность затрагивает интересы большого количества людей, именующих себя философами, но пишущих и читающих лекции на самые разные темы – от современных концепций естествознания до проблем литературоведения и лингвистики. Поэтому любое определение будет вызывать возражения. Руководящей нитью может служить история философии, если попробовать выделить те сквозные проблемы, которые от века в век обсуждались в классической философской литературе. Но за две с половиной тысячи лет философия развивалась и меняла свое лицо, и даже те проблемы, которые якобы повторялись, звучат по-разному в разные эпохи. Формулируя их на современном языке, мы изменяем чувству времени. Кроме того, если мы все же выделим эти проблемы, встает задача объяснить, как они связаны, в чем их единство? Это и проблемы этики, и проблемы отношения наших знаний к реальности, и проблемы построения картины мира, и проблемы экологии... Что может это все объединить воедино?

Как же быть? Мой подход определяется следующими соображениями. Не надо пытаться выделить то общее, что присутствует или должно якобы присутствовать в работах людей, работающих под шапкой философии. Такой пассивный подход ни к чему не приведет. Надо сконструировать или, точнее, спроектировать такую область культуры, такую сферу интеллектуальной деятельности, которая могла бы породить описанную выше феноменологию. Что надо исследовать, какие задачи ставить, чтобы в результате получить реально наблюдаемое многообразие проблем и обсуждений? Короче, я хочу подойти к исследованию философии так, как обычно подходит к своему объекту естествоиспытатель. Вот есть газ в сосуде, он обладает некоторыми физическими свойствами, то есть нам дана некоторая его феноменология. Надо построить такую модель газа, чтобы она объясняла его свойства и поведение. Это и достигается в рамках кинетической теории газа. Вот и я хочу предложить такую модель. Она, как я полагаю, не является принципиально новой, она, как иногда говорят, висит в воздухе, но мне хотелось бы по возможности расставить все точки над *i*.

Я исхожу из того, что философия – не наука, а особая сфера культуры, наряду с искусством, наукой и религией. Если это не наука, то не следует пытаться ее определить через указание некоторой предметной области, которую она исследует. Существует, однако, и другой способ объединения разных проблем и знаний. Разнородные знания часто группируются вокруг некоторой практической задачи. Представьте себе, что вам нужно построить мост через реку. Какие знания вам понадобятся? Разумеется, вам нужна строительная механика, сопротивление материалов, теория прочности... , но этого мало, вам нужна инженерная геология, грунтоведение, экономическая оценка проекта. Все эти знания нельзя объединить в рамках одной научной дисциплины, но их объединяет практическая задача. Попробуем подойти с такой точки зрения и к философии.

Какая же задача или проблема способна объединить разные аспекты философии в некоторое единое целое? Я полагаю, что это проблема свободы человека. Можно сказать, что это основной тезис настоящей статьи. Именно проблема человеческой свободы определяют в значительной степени специфику философской мысли, ее место в системе духовной культуры, ее трудности и коллизии. И дело при этом не столько в ответе на вопрос, свободен человек или не свободен, сколько в разработке определенных конкретных средств, необходимых для реализации свободного действия.

Начнем с простого примера, который я уже приводил в нескольких своих статьях. Он прост, прозрачен, и нет смысла обязательно придумывать другой. Правда, анализ этого примера будет более детальным, чем в предыдущих работах. Представьте себе приемную комиссию, например в медицинском институте, которая должна решить судьбу очередного абитуриента. «Почему Вы выбрали именно медицинский институт?» – спрашивают его. Ответ таков: «У меня отец врач, и он с детства внушал мне, что я должен пойти по его стопам». Удовлетворит ли такой ответ членов комиссии? И вообще ответил ли абитуриент на поставленный вопрос? Ситуация может показаться достаточно тривиальной, но, как ни странно, именно ситуации такого типа позволяют понять роль и значение философии в жизни человека. Поэтому посмотрим на происходящее более внимательно.

Вопрос, который был задан абитуриенту, не совсем точно сформулирован и допускает поэтому не одно, а, по крайней мере, два толкования: а) по какой причине, т.е. в силу каких объективных обстоятельств, Вы подали заявление в медицинский институт? б) на каких субъективных основаниях, исходя из каких ценностных установок, Вы выбираете именно данную профессию, а не другую? В первом случае речь идет о причинной обусловленности поступка, во втором – о его аксиологической обоснованности. Влияние родителей нельзя считать фатальным обстоятельством, исключающим все другие возможности. Абитуриент последовал совету отца, хотя в принципе мог по-

ступить и иначе. Чем он при этом руководствовался? Скорей всего, членов комиссии интересовал именно этот вопрос. Иными словами, они обращались к абитуриенту как к человеку, совершающему сознательный выбор, т.е. как к свободному человеку.

Свободный поступок, как это видно из приведенного примера, возможен только при наличии, по крайней мере, двух типов предпосылок. Первое – это наличие нескольких степеней свободы. Абитуриент не имел бы возможности выбора при отсутствии в городе другого института и при невозможности уехать по тем или иным причинам. Второе – наличие аксиологических оснований выбора, то есть наличие определенных ценностных установок. Объективные обстоятельства должны предоставлять возможность выбора, человек должен уметь выбирать. Можно, казалось бы, назвать первый тип предпосылок объективными, а второй – субъективными, но это не совсем точно. Дело в том, что объективные обстоятельства даны нам не непосредственно, а только в виде знания, и поэтому тоже относятся к числу субъективных предпосылок. Более того, имея знания, мы можем сомневаться в их истинности, и нам, следовательно, нужны и здесь основания для выбора.

Вот и получается в итоге, что свободный поступок предполагает три типа предпосылок. Во-первых, это предпосылки аксиологические. Человек не свободен, если он не знает, чего хочет. Во-вторых, – предпосылки онтологические, то есть знания о мире, позволяющие осуществлять выбор. Если мы стоим на перекрестке двух дорог, и не знаем, куда ведет каждая из них, то рациональный выбор невозможен. В абсолютно случайном мире тоже нельзя выбирать. Нам для выбора нужен причинно обусловленный, законосообразный мир, чтобы, осуществляя тот или иной шаг, мы знали, к чему он приведет. И наконец, третий тип предпосылок – это предпосылки гносеологические и логические. Опираясь на те или иные знания о мире, мы должны ответить на вопрос, на каком основании мы эти знания принимаем за истинные.

Что же мы получаем в итоге? Отталкиваясь от проблемы свободы, мы объединили в одно целое три типа предпосылок, которые и представляют собой три основных раздела философии: аксиологию, включая этику, онтологию и гносеологию, включая логику как философскую дисциплину. Эти разделы разнородны по своему содержанию, но они в совокупности служат одной цели – обеспечению свободы человека. В качестве иллюстрации бросим общий взгляд на традиционную философскую проблематику, с которой сталкивается уже любой студент. Существует ли вне нас какая-либо объективная реальность, не зависящая от нашей воли и сознания, т.е. существуют ли какие-либо объективные ограничения человеческой свободы? Познаваема ли эта реальность, и что такое знание? На каких основаниях мы выбираем одну теорию, а не другую, что может выступать в качестве критерия истины, какие соображения порождают нашу уверенность в том, что наука в конечном итоге вырабатывает знания, соответствующие объективной реальности? И что это такое «соответствие реальности»? Что составляет конечный смысл нашей жизни, чего мы хотим, к чему стремимся, и как эти цели соотносятся с имеющимися в нашем распоряжении объективными возможностями? Разве все это не исконные проблемы философии, с которых мы обычно начинаем ее преподавание? Правда, к сожалению, мы редко подчеркиваем связь этих проблем с проблемой обеспечения свободного человеческого действия.

Все сказанное надо несколько уточнить. Человек – это социальное существо, и он социально запрограммирован. Уже с раннего детства мы начинаем воспроизводить образцы поведения и деятельности окружающих нас людей, осваивая прямохождение, язык и речь, операции с окружающими предметами. Чуть позднее мы осваиваем и образцы предпочтений, то есть образцы выбора. Это не означает, что они обязательно сформулированы в форме некоторых принципов. Очень немногие люди четко осознают свою систему ценностей. Но на уровне воспроизводимых образцов, на уровне социальных эстафет ценностные ориентации закладываются уже в детстве. О какой же свободе может идти речь?

Дело, однако, в том, что человек как личность живет не только в рамках своего непосредственного окружения, он не ограничен рамками своего непосредственного опыта, литература, история, искусство предоставляют ему огромное количество образцов человеческого поведения, деятельности, ценностных ориентаций. Это имеет огромное значение. Вся история человечества, представленная в лицах, – это огромный набор образцов, включая и образцы ценностных ориентаций. Человек может выбирать, и в этом плане он не зависит полностью от той социальной среды, в которой он вырос. У него есть возможность подняться над этой средой вплоть до ее полного отрицания. Философия призвана помочь человеку, насколько это возможно, сделать рациональный выбор. Я подчеркиваю, не стихийный, а рациональный. Философия демонстрирует человеку разные возможные системы ценностей, разные, уже систематизированные онтологические картины, разные представления о познании. Все эти представления надо специально строить, надо систематизировать, добываясь непротиворечивости. Помимо такой работы, они нигде не существуют. Философия в этом плане – это служба обеспечения свободы человека.

2. *Философия и границы рациональности*

Иногда говорят, что философия – это мировоззрение. Я с этим не согласен. Философия демонстрирует человеку разные варианты выбора, ее задача построить и проанализировать все возможные типы мировоззрений. Неслучайно иногда говорят, что философия – это история философии. У меня лично другая точка зрения, но рациональный смысл в таком утверждении есть. Все прошлые философские построения не теряют своего смысла и значения, они присутствуют в современной нашей жизни. Однако, как мне представляется, в рамках философии, а не истории философии, желательно излагать все эти прошлые концепции на современном языке и включать в современный контекст, противореча тем самым методологии исторического исследования. Об этом я еще скажу ниже несколько слов. Но сейчас перед нами встает другая проблема. Всегда ли возможен рациональный выбор? Существуют ли границы рациональности? И если философия демонстрирует нам образцы разных мировоззрений, то есть ли у нас рациональные основания для выбора?

Рассмотрим несколько примеров.

Деятельность человека всегда целенаправленна, он стремится чего-то достичь, получить какой-то желаемый результат. Но при этом, как правило, существует иерархия целей: нам нужно получить S для того, чтобы затем получить F , нам нужно F , чтобы получить W и так далее. Но рано или поздно эта цепочка должна кончиться, должна быть некоторая конечная цель. То, что мы хотим получить в качестве конечной цели, является ценностью самой по себе, абсолютной ценностью. Наличие таких конечных оснований целеполагания четко осознавал уже Аристотель. В самом начале «Никомаховой этики» он рассуждает следующим образом: «Целью всякого искусства или поступка является какое-либо благо. Так как есть много стремлений и много искусств, то существуют и много благ: цель врачебного искусства – здоровье, кораблестроительного – корабль, военного – победа. Между искусствами имеет место известное подчинение: седельное искусство служит искусству верховой езды, последнее – военному искусству и т.д. Однако не все цели мы выбираем ради какой-то иной цели, ибо в противном случае мы уйдем в бесконечность. А это значит, что существует «некая цель, желанная нам сама по себе», т.е. собственно благо или наивысшее благо»⁴. Но таких наивысших благ или конечных оснований целеполагания может быть много, и у нас в этом случае нет никаких рациональных оснований для выбора, ибо выбор предполагает оценку. Но как можно оценивать то, что является ценностью самой по себе? Иными словами, мы здесь сталкиваемся с границей рационального выбора, с границей рациональности.

Речь идет об общей закономерности: любое рациональное обоснование имеет свои границы, так как рано или поздно мы должны принять нечто за аксиому. В сфере этики или аксиологии мы должны ответить на вопрос, какие конечные целевые ориентации мы выбираем, и в чем мы видим смысл нашей жизни. Очевидно, что это нельзя рационально обосновать. Есть, конечно, и эмпирическое обоснование. Но можно ли экспериментально доказать, что прав не гедонист, считающий высшим благом удовольствие, а Альберт Швейцер, призывающий нас к благоговению перед жизнью? Кроме всего прочего, этого нельзя сделать, так как ценностные утверждения в принципе не являются ни истинными, ни ложными. Они не являются знаниями. Высказывание «Аристипп считал высшим благом наслаждение» является либо истинным, либо ложным. Но утверждение «Наслаждение есть высшее благо» – это некоторый норматив, предписание, которое можно принимать или не принимать.

Следующий пример – проблема солипсизма. Вот есть такая, на первый, непрофессиональный взгляд абсолютно нелепая концепция, согласно которой окружающий мир – это всего-навсего мое представление. Каждый признает, что он как-то представляет себе окружающую его реальность, но солипсист утверждает, что никакой реальности нет, есть только его представления и ничего больше. Попробуем с ним поспорить. «Но другие люди существуют помимо ваших представлений?» – спросим мы у солипсиста. – «Нет, они существуют только в моем представлении». – «А вы сами?» – «Да, я как человек, имеющий тело, имеющий определенную биографию существую в моем представлении». – «Вы говорите «в моем представлении», к чему относится это местоимение «в моем?»» – «Я – это душа, в которой и живут все эти представления». – «А этот наш спор тоже только в вашем представлении?» – «Разумеется». Солипсиста, если он последователен, очень трудно, если вообще возможно, опровергнуть. Ведь действительно, мы живем в мире наших представлений, за пределы этого мира невозможно выйти, и если предполагать, что за пределами наших представлений есть еще что-то, что эти представления вызывает, то это ведь тоже наше представление. Мы и здесь должны сделать выбор при отсутствии рациональных аргументов. Конечно, точка зрения солипсиста и теоретически сложна, и практически неудобна. Но это уже не логическая аргументация.

⁴ Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4. М., 1984. С. 54–55.

Третий пример – это и очень древняя, и вполне современная проблема, которая возникает при осознании ученым своей работы. Вот что пишет Стивен Хокинг в книге «Природа пространства и времени» о себе и о своем соавторе Роджере Пенроузе: «Я принимаю позитивистскую точку зрения, что физическая теория есть просто математическая модель, и что бессмысленно спрашивать, соответствует ли ей какая-либо реальность. Вместо этого мы можем лишь спросить, находятся ли ее предсказания в согласии с соответствующими наблюдениями. Мне кажется, что Роджер в сердце платонист, но ответ на этот вопрос он должен дать самому себе»⁵. Р. Пенроуз, один из крупнейших современных физиков-теоретиков, дал этот ответ в своем фундаментальном труде «Путь к реальности или законы, управляющие вселенной». Математические модели, с его точки зрения, существуют объективно, независимо от нашего разума. «Разумеется, – пишет он, – математические формы в платоновском мире существуют не совсем так, как существуют обычные физические объекты – скажем, столы и стулья – в мире нашем. Они не имеют пространственного местоположения, не существуют они и во времени. Объективные математические понятия следует представлять как вневременные объекты; не нужно думать, будто их существование начинается в тот момент, как только они в том или ином виде возникают в человеческом воображении»⁶.

Итак, что же мы познаем в природе? Хокинг полагает, что наши математические модели оправданы только тем, что предсказывают экспериментальные данные. Бессмысленно говорить об их соответствии или несоответствии природе. Действительно, что общего между каким-либо математическим выражением и физическим объектом, например, между электромагнитным полем и уравнениями Максвелла? Уравнения строим мы, в природе их нет. Пенроуз, напротив, утверждает, что математические объекты объективно существуют, хотя и не так, как объекты физические. Теорема Ферма существовала и до того, как Ферма ее сформулировал, и она была либо ложной, либо истинной, независимо от того доказали мы ее или нет. Разве не убедительно? Кстати, так называемый диалектический материализм, который много лет вбивали нам в голову, с одной стороны, критиковал платонизм, а с другой утверждал объективное существование законов природы. Но ведь это означает, что уравнения Максвелла существуют независимо от нашего сознания, независимо от творцов математического анализа. Можно ли окончательно обосновать одну из этих точек зрения? Вероятно, нет. Мы не можем непосредственно сопоставить наши знания с природой, ибо последняя не дана нам независимо от наших знаний, как равноправный объект сопоставления.

И, наконец, напомним проблему, которую обсуждает Б. Рассел в широко известной работе «Человеческое познание». В науке мы имеем дело со знаниями, которые получены путем логического вывода, но сами правила этого вывода уже не могут быть выведены, то есть логически обоснованы. Правила вывода должны быть объектами веры. Их нельзя доказать или опровергнуть, в них надо верить. Практически, конечно, человек мыслит логично, даже вовсе не зная логики, он просто опирается на образцы рассуждений и их воспроизводит. В такой же степени, например, мы говорим на родном языке, не зная правил грамматики, а иногда даже не подозревая о ее существовании. Но образцы нельзя и не нужно обосновывать, и в них нельзя верить. Верить или не верить можно только в некоторые утверждения. В такой же степени только утверждения можно логически, рационально обосновывать. Но если мы сформулировали правила вывода, как это делается в работе Рассела, то мы действительно вынуждены принять их на веру, ибо здесь мы опять сталкиваемся с границей рациональности.

Итак, обнаруживается, что проблема обоснования деятельности или поведения наталкивается в своих исходных пунктах на непреодолимые трудности, как, впрочем, и любое другое обоснование. Во-первых, исходных предпосылок может быть много, и они могут противоречить друг другу, во-вторых, сами они уже по определению не могут быть обоснованы, и мы неизбежно оказываемся перед лицом роковых альтернатив, не имея в руках никаких средств для их преодоления. В конечном итоге рациональный выбор оказывается невозможным. Мы должны признать, что в логическом развитии нашего мировоззрения существуют такие точки, в которых каждый сознательный человек вынужден «бросить жребий». Точки такого рода мы будем называть точками произвольного выбора. Наличие таких точек в нашем мировоззрении – это одно из эпохальных открытий философской мысли. Речь идет, разумеется, о чисто теоретических ситуациях, ибо в реальности человек, как уже говорилось, всегда живет в определенной социальной среде, т.е. в поле действия существующих в этой среде традиций.

Возникает интересный вопрос. А не означает ли отсутствие аргументов в ситуации выбора того, что сам выбор ничего не меняет в сути дела, что он все оставляет инвариантным? Какой тогда смысл в этом выборе? Вернемся к проблеме реализма и солипсизма. Легко показать, что итоги развития науки инварианты относительно этого выбора. Действительно, все, что мы исследуем и познаем, все это проходит через наше сознание. Познанное – это значит как-то представленное в сознании. Даже утверждение реализма, согласно которому наряду со знаниями и представ-

⁵ Хокинг С., Пенроуз Р. Природа пространства и времени. Ижевск, 2000. С. 10.

⁶ Пенроуз Р. Путь к реальности или законы, управляющие вселенной. Москва-Ижевск, 2007. С. 37–38.

лениями есть еще нечто от них независящее, – это тоже некоторая картина в нашем сознании. Но, может быть, такой выбор вообще не имеет значения, ибо какой смысл выбирать, если все остальные представления, включая науку, остаются прежними? Нет, в данном случае не остаются. Ценностные, этические представления не инвариантны относительно данного выбора. Бессмысленно, например, говорить об альтруизме в рамках солипсистского мировоззрения. Но альтруизм или эгоцентризм – это тоже, вероятно, точка произвольного выбора. Однако боюсь обобщать, ибо каждый отдельный случай нуждается здесь в особом анализе.

Границы человеческой свободы, границы рациональности, с которыми мы здесь сталкиваемся, неизбежны, ибо нельзя представить и нельзя реализовать исторический социальный процесс как осознанную целенаправленную деятельность. Индивидуальный человек подчинен социальному целому, он есть элемент естественно-исторического процесса, диктующего ему свою волю. Если он дерзает быть свободным, то рано или поздно обнаруживает, что у него нет критериев выбора, что процесс рационального обоснования его поведения должен где-то кончиться, и там, где это происходит, человек вынужден передать право первого хода объективным обстоятельствам. Это и значит, образно говоря, бросить жребий. Философия в данном контексте – это арена, на которой разворачивается одна из самых впечатляющих «трагедий» человеческого разума, обусловленная его безудержным стремлением все подчинить своим требованиям.

Итак, цель философии – предоставить в распоряжение человека возможно более богатый арсенал отрефлексированных критериев выбора, арсенал средств, обеспечивающих его свободу и формирующих его как личность, способную к рационально обоснованному действию. В ходе этой работы мы неизбежно наталкиваемся на точки произвольного выбора. Да, это границы свободы, границы рациональности. Но и здесь следует отличать автомобилиста, который проскочил перекресток, не заметив этого, от того, кто остановился и осознал, что у него нет критериев выбора. Он в этой ситуации доверяется жребию с полным сознанием его объективной неизбежности. Последнее в определенном смысле слова – это тоже разновидность свободы, свободы в смысле античных стоиков.

Сказанное в этом разделе освещает философию еще с одной стороны. Она выступает как построение и анализ исходных предпосылок человеческой рациональной деятельности. Я говорю «рациональной» в смысле осознанной и целенаправленной, когда человек отдает себе отчет в том, зачем он так поступает и почему. Это касается всех трех разделов философии: и аксиологии, и онтологии, и теории познания. Речь при этом идет именно об исходных предпосылках, о предпосылках, которые уже нельзя обосновать, а надо просто принять. Имея это в виду, можно сказать, что философия – это учение о точках произвольного выбора в нашем мировоззрении.

3. Философия и наука

Выше я уже отмечал, что философия – это не наука. Фактически я из этого исходил, ставя задачу понять механизмы объединения всех, казалось бы, разнородных философских утверждений в единое целое. Я не пытался выделить какую-либо предметную область, которую изучает философия, а исходил из аналогии с объединением знаний в рамках решения практических задач. Очевидно, однако, что философия и наука тесно связаны и постоянно взаимодействуют. Кроме того, как уже отмечалось, в самой философии присутствуют элементы научности. Поэтому рассмотрим этот вопрос более подробно с упором на противопоставление науки и философии.

Начнем с этики. Можно ли ее строить как научную дисциплину, изучающую этические нормы разных народов, их формирование и развитие? Разумеется, да. Скорей всего, такая этика будет представлять собой один из разделов этнографии или истории культуры. Вероятно, она давно реально существует, но под другим именем. Чем это отличается от этики философской? Прежде всего, отсутствием установки на нормативность. Одно дело описывать реально существующие нормы поведения у какого-либо народа в ту или иную эпоху, другое – формулировать и предписывать эти нормы как нечто должное. Например, установлено, что у одного из индейских племен в Южной Америке считалось неприличным есть на глазах соплеменников, для еды надо было уединиться. Это интересное научное наблюдение. Но это вовсе не означает, что мы должны следовать этой традиции и закрыть все кафе и рестораны как «неприличные заведения». Философская этика строит систему ценностей, не связывая ее с каким-либо народом или эпохой, она строит абсолютную систему ценностей в форме определенных предписаний. Это характерно почти для всех классических этических систем типа гедонизма и эвдемонизма, этики долга И. Канта или этики Л. Толстого и А. Швейцера. Философ не описывает реально существующее, как это делает ученый, он предписывает, рассуждая не в модальности существования, а в модальности долженствования. Характеристика этоса науки у Р. Мертона – это тоже пример философского подхода, так как он фиксирует не то, что фактически есть, а то, что считает должным и необходимым для развития науки.

Сказанное об этике в значительной степени, хотя и с некоторыми вариациями относится и к теории познания и к методологии. Впрочем, как я уже говорил, теория познания и философия науки включают в свой состав много эмпирически обоснованных знаний и претендуют поэтому на отделение от философии. Однако и здесь легко выделить чисто философские компоненты. Например, позитивистская теория познания, начиная с О. Конта и кончая Венским кружком, – это не столько изучение реального познавательного процесса, сколько формулировка предписаний типа принципа верификации, который, кстати, не может быть эмпирически обоснован. Такой же характер носит и фальсификационизм К. Поппера. Он целиком нормативен. Вот характерное место, иллюстрирующее то, что я хочу сказать: «Мы не должны, – пишет Поппер, – требовать возможности выделить некоторую научную систему раз и навсегда в положительном смысле, но обязаны потребовать, чтобы она имела такую логическую форму, которая позволяла бы посредством эмпирических проверок выделить ее в отрицательном смысле: *эмпирическая система должна допускать опровержение путем опыта*»⁷. Обратите внимание, все здесь выдержано в модальности долженствования: «мы не должны», мы «обязаны», «эмпирическая система должна».

«Отпочкование» отдельных научных дисциплин от философии иногда связано именно со сменой модальности. Вот что пишет Э. Дюркгейм о возникновении социологии. Отдавая честь создания этой науки О. Конту, он продолжает: «Конечно, в известном, очень широком, смысле слова размышление о предметах политической и социальной жизни началось еще задолго до XIX века... Но все эти различные исследования отличались одной существенной чертой от того, что означает слово «социология». Действительно, они ставили себе задачей не описать и объяснить общества *такими, каковы они в данный момент на деле* или *каковы они были на деле*, а исследовать, чем *должны быть общества, как они должны организоваться*, чтобы быть по возможности совершенными. Совсем иную цель ставит социология, изучающая общества только для того, *чтобы их познать и понять*, подобно тому, как физик, химик, биолог изучают физические, химические и биологические явления»⁸. И действительно, задолго до Конта было выдвинуто немало идей относительно того, каким должно быть идеальное общество, то есть общество, соответствующее нашим ценностным установкам. Это была некоторая философская социология. Конт переходит от модальности долженствования к модальности существования. Нечто аналогичное осуществляет и Т. Кун при изучении науки. Если его предшественники, включая Поппера, рассуждали о том, как должен работать ученый, то Куна интересует, как он фактически работает.

Интересно, что в XVII веке, когда формировалась европейская наука в ее современном понимании, именно философия, точнее, натурфилософия того времени выступала как образец научности. В развитии многих научных дисциплин того периода явно проглядывает следующая закономерность: все начинается с накопления чисто рецептурных знаний в сфере практической деятельности, и только на следующем этапе нас начинает интересовать объект сам по себе безотносительно к задачам практического характера. Вот известное высказывание одного из основателей химии как науки Р. Бойля: «Химики до сих пор руководствовались чересчур узкими принципами, не требовавшими особенно широкого умственного кругозора; они усматривали свою задачу в приготовлении лекарств, в извлечении и превращении металлов. Я смотрю на химию с совершенно другой точки зрения; я смотрю на нее не как врач, не как алхимик, а как должен смотреть на нее философ»⁹. Очень похожее рассуждение мы находим и у Ньютона на первых же страницах предисловия к первому изданию «Математических начал натуральной философии». Противопоставляя свою работу практической механике, он пишет: «Мы же рассуждаем не о ремеслах, а о философии, и пишем не о силах, заключенных в руках, а о силах природы...»¹⁰. Натурфилософия в качестве образца определенного подхода к изучению природы выполняет здесь методологическую функцию, которую у Дюркгейма выполняет уже сложившаяся наука: физика, химия, биология.

И у Бойля, и у Ньютона натурфилософия – это только образец, они не пытаются его вербализовать в форме некоторого принципа. Дюркгейм формулирует принцип – принцип перехода от модальности долженствования (каким должно быть общество) к модальности существования (каково оно на самом деле). Несколько иначе это формулирует основатель научного почвоведения В.В. Докучаев. Одна из основных его заслуг по всеобщему признанию в том, что он преодолел чисто утилитарный подход к почве и стал рассматривать ее как особое тело природы. Докучаев писал: «Несомненно, изучать данное явление, данный предмет природы с одной только утилитарной точки

⁷ Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 63.

⁸ Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Метод в науках. СПб., 1911. С. 226.

⁹ Джуга М. История химии. М., 1968. С. 87.

¹⁰ Цит. по: Григорьян А. Т., Зубов В. П. Очерки развития основных понятий механики. М., 1962. С. 12. Я беру эту цитату у Зубова, так как в переводе А.Н. Крылова слово «философия» заменено на «физика».

зрения всегда было и будет величайшей ошибкой, ибо и явления и тела существуют в природе совершенно независимо от нас»¹¹.

Перейдем теперь к другому аспекту противопоставления науки и философии. Опираясь на образцы научных дисциплин, мы часто ставим вопрос о предмете философии. Думаю, что это неправомерно. Постановка вопроса о предмете исследования тесно связана с одной из специфических особенностей науки, с тем, что она нацелена не только на получение знаний, но и на их постоянную систематизацию. Наука требует когерентности накапливаемых знаний. Это вовсе не означает, что последние растут как снежный ком и что прошлые знания просто входят в состав настоящих. Этого как раз и не происходит, ибо прошлое всегда переосмысливается и преобразуется в свете настоящего. Именно требование когерентности приводит к тому, что прошлые теории в составе современной науки приобретают новый смысл и новое звучание. Например, классическая механика в контексте физики XX века – это уже не механика Ньютона. Она другая уже потому, что мы осознали ее границы, она стала органической составной частью современной физики. Но нам в данном случае важно следующее: наука на каждом этапе ее развития предстает (или, по крайней мере, стремится предстать) не как набор разных точек зрения, имевших место в истории ее развития, а как целостная, согласованная система знаний. Это не набор, не арсенал концепций, а по возможности единая современная концепция. И говоря о предмете науки, мы фактически пытаемся охарактеризовать содержание и границы этой концепции.

Происходит ли нечто подобное в ходе развития философии? Нет, не происходит, хотя мы постоянно читаем и пишем соответствующие учебные курсы. Мы вынуждены это делать, этого требуют хотя бы задачи преподавания. Проблема предмета философии приобретает здесь сугубо практическое значение. Что именно мы должны преподавать, как организовать и систематизировать материал? Эта проблема актуальна и имеет полное право на существование. Но о какой систематизации может идти речь, не противоречим ли мы сами себе? Строго говоря, курс философии в принципе предполагает изложение различных философских концепций. Если речь и идет о систематизации, то о систематизации именно этих последних. Представьте себе учебник, в котором изложено множество теорий и дана классификация или типология не изучаемых явлений, а только самих теорий. В рамках развитой научной дисциплины это, как правило, невозможно, в философии это постоянно встречается. Важно подчеркнуть, что учебник такого типа – это в принципе не столько философия, сколько метафилософия. Мы здесь рассказываем о философских концепциях вместо того, чтобы полностью «погрузиться» в одну из них. Но одно дело говорить о разных возможных типах мировоззрения, другое – иметь мировоззрение. Неслучайно преподавание философии часто сводят либо к краткому и выдержанному в презентистских тонах курсу истории философии, либо к изложению какой-то одной системы взглядов, для которой другие философские построения служат только материалом для критики.

Итак, ставя вопрос о предмете философии, мы невольно действуем по аналогии с наукой, предполагая тем самым, что философия развивается аналогичным образом, постоянно систематизируя накопленные знания и добиваясь их когерентности. Если же такой процесс не имеет места, то нет оснований и для постановки вопроса о предмете философии в указанном выше смысле.

Возникает естественный вопрос: почему философия не поступает аналогичным образом, добиваясь полной итоговой когерентности всех своих представлений, чем это обусловлено? Тем, вероятно, что в философии мы имеем дело с формулировкой исходных предпосылок нашего мировосприятия, которые уже не могут быть рационально обоснованы. Иными словами, у нас здесь нет рациональных критериев выбора. История философии поэтому – это последовательность мировоззрений, которые не сменяют друг друга, а продолжают сосуществовать в настоящем, не теряя своего значения. Каждое такое мировоззрение в идеальном случае – это некоторая целостность, некоторый замкнутый мир, вполне самодостаточный и не приемлющий каких-либо других миров. О каком же процессе достижения когерентности здесь может идти речь?

* * *

Но подведем итог сказанному. Философия – не наука, а разработка всех возможных типов мировоззрения, разработка систем ценностей, принципиальных картин мира в основном на общем категориальном уровне, исходных оснований, позволяющих принимать или отрицать достижения науки. В этом плане она напоминает математику, которая строит разные геометрии, не интересуясь, какая из них действует в реальном мире. Философия постоянно ставит человека перед выбором, напоминая ему, что он на развилке дорог, демонстрируя ему, что уже сделанный

¹¹ Докучаев В. В. Сочинения. Т. 1. М.–Л., 1949. С. 153.

выбор не обоснован, хотя от него зависит вся последующая жизнь. Философское мышление – это мышление проблематизирующее, наука дает конкретные решения, философия ставит и обсуждает проблемы. Далеко не всегда они находят свое решение, чаще это вечные проблемы, которые живут от столетия к столетию, обрастая аргументами, уточняя формулировки, меняя лицо, как после пластических операций. Философия не дает человеку успокоиться и почить на лаврах своего могущества, постоянно выискивая трещины в основаниях его бытия. Философия – это своеобразное зеркало, в котором человек, точно самовлюбленная красавица, вдруг усматривает тревожащие морщинки, свидетельствующие о том, что надо подумать и о душе. В этом одно из главных и немаловажных предназначений философии. Подумайте, что бы мы делали без зеркала?

Читая философские тексты, человек не должен искать готовых решений и доверять тем, кто самоуверенно спешит их предложить. Надо выделить и сформулировать основную проблему, найти аргументы за и против, попробовать осмыслить с этой точки зрения давно знакомый материал. Уверен, что глубина проблемы начнет все больше и больше притягивать вас, как притягивает пропасть. Простое и привычное вдруг станет сложным, уверенность в тривиальных истинах пошатнется, ваша собственная жизнь может предстать для вас в новом свете. Обсуждение философских проблем доступно каждому, кто готов затратить на это труд и не отмахивается от теоретических трудностей как от назойливой мухи. Короче, если целостность и непротиворечивость мировосприятия представляется вам чем-то важным и ценным, вы готовы к обсуждению философских проблем.